

Олег Блоцкий

Стрекозел

Часть сборника
Предатель стреляет в спину
(сборник)

Олег Михайлович Блоцкий

Стрекозел

текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5314519

Олег Блоцкий. Предатель стреляет в спину: Эксмо; Москва; 2013

ISBN 978-5-699-63711-9

Аннотация

Лейтенант Стрекозов с первых дней службы в Афганистане показал себя предельно жестким, но справедливым офицером. Однажды во время боевой операции Стрекозов заметил, как его непосредственный начальник капитан Демеев вместе с солдатами жестоко расправляется с мирными афганцами и занимается мародерством. О преступлении Стрекозов докладывает капитану Баранову, однако этот офицер оказывается сообщником Демеева, и, чтобы убрать свидетеля, Баранов посылает взвод Стрекозова на верную гибель...

Содержание

1. Старики	4
2. Стрекозов	15
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Олег Блоцкий

Стрекозел

1. Старики

Они вышли из щелистого, узкого проулка и в нерешительности остановились, внимательно присматриваясь к дувалу, за стенами которого укрылся взвод Стрекозова.

– Бабаи, товарищ лейтенант, бабаи! – крикнул конопатый Абрамцев со стены и пальцем затыкал в сторону кишлака.

Взвод зашевелился. Кое-где звякнуло оружие. Легкая зыбь всколыхнула солдат, сидящих группками на земле.

– Сколько? – спросил высокий и крепкий лейтенант с биноклем на груди, поднимаясь на ноги.

– Двое, без оружия. Стоят, как памятники, в нашу сторону зырят. Идти боятся.

– Муха! – Махнул взводный своему заместителю. – Пусть зайдут сюда.

Тонкий юркий Мухамадиев вкрадчиво, по-кошачьи, скользнул к массивным грубым дверям, вмурованным в стену, и потянул их на себя за крупное железное кольцо. Черная кудлатая голова (сержант готовился к дембелю, а поэтому отращивал волосы) исчезла в проеме. Таджик отрывисто и даже, казалось, просяще крикнул что-то афганцам.

Старики появились во внутреннем двореке прямоугольной формы, который спасало от зноя невысокое ветвистое дерево с широкими сочными листьями. Дверь за афганцами тут же захлопнулась. Они вздрогнули и оглянулись. Мухамадиев что-то ободряюще сказал, слегка улыбнулся, но при этом быстро и легко провел руками по их просторным одеждам.

– Пустые, – сказал он и отошел в сторону.

Солдаты, из тех, кто сейчас не охранял взвод, все ближе подтягивались к афганцам, заходя за их спины. Полукольцо все туже охватывало стариков. Пауза становилась томительной, грозной. Афганцы растерянно осматривались по сторонам и с покорностью глядели на командира.

– Все по местам, – приказал Стрекозов и запрокинул голову. – Эй, наверху, усилить наблюдение! Нечего сюда пялиться.

Солдаты, лежащие на стенах, исчезли. Лейтенант движением руки пригласил стариков и сержанта к плащ-палатке, расстеленной на земле.

Разговор завязывался постепенно, как вода в котелке, нехотя закипающая на медленном огне.

Стрекозов спрашивал, Мухамадиев переводил, старики бормотали односложно и монотонно.

В кишлаке никого нет. Все спрятались – убежали в горы. Еще ночью. Люди знали, что на рассвете здесь будут шурави. Каравана тоже нет. Он за перевалом. Сегодня и завтра

он здесь не пройдет. Но как только шурави уйдут, люди вернутся в кишлак, а караван двинется дальше.

– Эти почему не ушли? Шпионят? – Стрекозов испытующе оглядывал гостей.

А те, ни на секунду не сводя с взводного темных потухших глаз, которые казались пустыми провалами под белыми кустистыми бровями, достали какие-то небольшие книжечки и все пытались сунуть их в руки Стрекозову.

– Они старые. Но главное – их сыновья служат в армии у Кармаля. Офицеры, как и вы.

Уловив знакомое слово «Кармаль», старики закачали чалмами, прикасаясь тонкими жилистыми пальцами к маскхалату Стрекозова.

– Сахи аст, сахи. Баче э ма дар урду э Афганистон хидмат миконад.

– Что они там долдонят?

– Клянутся, что сыновья в правительственной армии, «зеленые».

– А кишлак духовский?

– Духовский, – согласился Муха и моментально продолжил, предугадывая очередной, вполне справедливый вопрос взводного, – но это ничего не значит. Стариков никто не трогает. Вот если бы их дети сюда пришли, тогда точно – застрелили бы или кожу с живых содрали. А отец при чем? Он не виноват, что сын офицер. Вот и живут спокойно. Никто их не обижает.

– Везде так? – не поверил Стрекозов.

– Да, – уверенно сказал Мухамадиев и закусил припухшую, в трещинах, нижнюю губу.

Чувствовалось, что он полностью доверяет старикам и сейчас на их стороне.

– В каждом кишлаке люди такие есть. Если все ушли, кроме некоторых, значит, их родственники в армии, ХАДе или Царандое. От этого они и не боятся нас, не прячутся. Помните, две недели назад мы на войну в Рабат ходили? Перед ним кишлачок был маленький? Помните старого афганца – бобо, возле дувала с кувшином молока? Подходи, пей.

– Помню.

Старик в грязной чалме с коричневым лицом, изъеденным морщинами, сидел, подвернув под себя ноги, у самого входа в кишлак. Перед афганцем на небольшом выцветшем и застиранном куске ткани лежали две лепешки, рядом высился широкогорлый кувшин, возле него огромная, как таз, голубоватая пиала.

Боевые машины пехоты, одна за другой, скрывались в теснинах вымершего кишлака. Жирные желтые клубы пыли дымились и расползались мелкой взвесью, висели над землей, напоминая покачивающуюся непроницаемую ткань. А старик все так же был недвижим. Его порошило пылью, и людям, сидевшим на раскаленной броне, казалось, что он мертв.

– А если разведчики?

Стрекозов склонил голову набок, искоса покаявая темно-зелеными глазами пришельцев. Ладонью взъерошил коротенький упругий ежик на голове и задумался.

Лейтенант, выкованный на примерах бескомпромиссной, незатухающей классовой борьбы, никак не мог взять сейчас в толк, отчего эти старики до сих пор живы. Ему было совершенно непонятно, как могут спокойно ходить по деревне люди, дети которых, в сущности, выступают против остальных односельчан. В этой их спокойной жизни видел взводный главный подвох для себя и своих подчиненных. Если бы высохшие, с шершавыми лицами старики сказали Стрекозову, что их бьют и преследуют, что их дома сожгли, им нечего есть, он, может, и поверил бы Мухамадиеву. А так?

Нет, было в этом всем что-то противоестественное, насто-раживающее и отпугивающее.

Сержант, правая рука Стрекозова, прекрасно понял сомнения, которые сейчас назойливо грызли командира.

Мухамадиев сузил чернеющие глаза, щелкнул языком в знак упрямого несогласия с мыслями лейтенанта и покачал головой.

– Это не разведка. Они – обыкновенные люди. Они думают, мы поверим, поэтому и пришли. У них наверняка фотографии сыновей есть, – предположил сержант и, не дожидаясь ответа командира, что-то сказал собеседникам.

Старики развернули тоненькие книжечки. Там, среди прочих бумажек, в самом деле, оказались фотографии.

Стрекозов держал в руках два небольших жестких кусочка картона. На них – черноусые, черноглазые, чернобровые, черноволосые мужчины в военной форме с гордо поднятыми головами.

Фото были по грудь. Но даже в этих неполных изображениях ощущались сила и уверенность в себе.

Старики, непрестанно переводя глаза с фотографий на Стрекозова, заговорили, перебивая друг друга.

Таджик качал головой, цокал языком и всплескивал руками.

– Это вот – капитан, – упирал он палец в одну из фотографий. – Служит в Кандагаре. Командир роты. Недавно ранили его. В ногу. Домой не приезжал – нельзя. Весь отпуск у родных в Кабуле был. Отец ездил к нему. Один раз.

Старик, нос которого походил на сморщенный вялый огурец, уловив слова «Кандагар» и «Кабул», радостно вспыхнул, морщинки его заходили, наползая одна на другую, вздохнул глубоко и собрался вновь длинно говорить, но Мухамадиев остановил его движением руки и взглянул на соседа. Тот, перебирая оранжевые четки и неспешно пропуская крупные зерна меж узловатыми пальцами, поглядывал на фотографию, точно желал лишний раз убедиться, что мужчина с крупными звездами на плечах – его сын, безостановочно и вроде бы совершенно равнодушно бормотал под нос, словно молитву творил.

– Сын в Кабуле служит. Командир батальона. В Советском

Союзе учился. Сейчас в спецбригаде. Тоже давно дома не был. Что сделать – война, – развел руками и тяжело вздохнул, подобно старику, Мухамадиев.

Наступила пауза. Афганцы достали кругленькие металлические коробочки, раскрыли и протянули Стрекозову. Лейтенант отрицательно покачал головой. Когда насвай поплыл в его сторону, Мухамадиев, покосившись на взводного, положил правую руку на сердце и тоже отказался. Старики бросили по шепотке зеленого порошка в рот, задвигали впалыми щеками, укладывая набухшую массу под язык.

– Сейчас на чай приглашать начнут, – предположил сержант.

И угадал. Старики наперегонки закудахтали, посасывая вязкую терпкую жижицу.

– Чое нон бухури?! Чое нон бухури?!

Стрекозов и сам понял, что это означает. Однако не удержался, ухмыльнулся и хлопнул сержанта по спине.

– Все ты, Муха, знаешь!

– А как же? – расцвел таджик и задвигал плечами, разминая затекшую спину. – Что здесь, что дома – одинаково. Законы есть законы.

От прежней настороженности и холодного выжидания оставалась жалкая тающая льдинка, которая вот-вот должна была исчезнуть вовсе.

– Чайку бы хорошо, – мечтательно протянул пулеметчик Клеткин – крепкий, ширококостный дегина, который таскал

во взводе пулемет.

– И пожрать бы не мешало! – поддержал закадычного дружка Гена Сироткин.

– Было бы неплохо.

– В самый раз.

– Точно. Похавать – это четко.

Заволновались хором солдаты. Несмотря на приказание взводного, они потихонечку стянулись к лейтенанту, прислушиваясь к беседе. Любопытство брало верх над осторожностью и опасением быть наказанными.

– Зачем тебе жрать, Сироткин? – удивился Стрекозов. – Мечешь за десятерых, а такая же доска. Только продукты зря переводишь.

– У меня все в ум идет, – глубокомысленно заметил Гена.

– Ну, если в ум, тогда другое дело, – согласился взводный.

Засмеялись, и громче всех – Сироткин.

– Товарищ лейтенант! – Со стены свесился Абрамцев. Каска напозла ему на глаза, и он мотал головой, как лошадь в жаркий день, отгоняющая настырных мух. – Стреляют! В демеевском кишлаке бой!!!

В небольшом, тесном дворике разом наступила тишина.

Стало слышно, как где-то далеко частят автоматные очереди и безвредными новогодними хлопушками разрываются гранаты.

Стрекозов бросился к радиостанции.

– Все нормально. Нет. Помощи не надо. Сиди на месте. Я

приказываю, – сквозь треск отрезал Демеев. – Надо будет – дам сигнал. Конец связи! – Капитан резко прервал разговор.

Недоумевающий Стрекозов стоял на стене дувала и старался в бинокль рассмотреть соседний кишлак. Тягучая, как вязкий кисель, густая зелень, кажущаяся к этому часу расплавленной, и серые длинные стены скрывали происходящее. Но окончательно задушить звук они не могли. Сухо трещали автоматные выстрелы, лопались гранаты, и вдобавок ко всему из кишлака поползли черные прерывистые ленты дыма. Лазоревый небосвод заволакивала плотная копоть.

Возле Стрекозова стояли солдаты, прикладывая козырьками ладони ко лбам, и быстро перебрасывались короткими фразами, стараясь угадать, что же происходит у Демеева.

Взводный спустился вниз. Старики переминались с ноги на ногу, словно земля жгла их босые ступни, и, не оставляя сержанта в покое ни на секунду, что-то лопотали, вздымая руки кверху. Наверное, призывали в свидетели самого Аллаха.

– Нет там никого. Никто нападать не будет. Не знают, почему стрельба, – талдычил одно и то же Мухамадиев, непрестанно прикусывая зубами нижнюю губу.

В демеевском кишлаке что-то с силой рвануло. Солдаты наверху, забывшие об опасности, качнулись вперед. Стрекозов, выматерившись, взлетел на стену, расталкивая подчиненных.

Над кронами деревьев заплясали блеклые, едва угадывае-

мые лепестки пламени, которые, казалось, надували огромный черный пузырь.

– Локтионов!! – заорал Стрекозов.

Но догадливый радист уже сам выходил на Демеева.

– Зубец, Зубец! Я – Откос! Как слышишь, прием?! Не отвечают, товарищ лейтенант!! Молчат! Зубец! Зубец! Я – Откос!

Стрекозов скатился вниз, смазал ненавидящим взглядом Мухамадиева и стариков, которые съежились, пытаясь укрыться за сержантом, виновато опустив головы.

– Нет никого?! Мирные жители?! В горы ушли? У-у-у, суки!!

– Они правду говорят, – запротестовал Мухамадиев.

– Иди ты! – Двинулся на него Стрекозов, но остановился и завыл, вздирая подбородок.

– Стано-о-овись!

В считанные секунды солдаты, похватав все свое снаряжение, сгрудились возле командира.

– Проверить оружие и амуницию!!

Через мгновение.

– Автоматы?!

– Есть! – проревел взвод, ударяя руками по оружию.

– Магазины?!

– Есть!

– Эр-дэ?

– Есть!

– За мной бегом марш! Дистанция три метра! Построение колонны прежнее!

И Стрекозов, упрямо пригнув голову, рванулся вперед, так и не взглянув на притихших, понурых стариков.

2. Стрекозов

Еще совсем недавно зеленым лейтенантом, летом, когда все соединение, включая и прибулдных дворняг – Духа с Басмачом, искало спасения от зноя под кондиционерами в модулях или тени палаток, Стрекозов, заложив руки за спину, хрипло ревел на неширокой площадке земли, заменяющей в бригаде плац: «Раз-раз! Раз-два-три!левой!левой!» А его взвод гремел тяжелыми, кажушимися с непривычки пудовыми, сапогами, проклиная сумасшедшего лейтенанта, невысмыслимую жару и едкую пыль, походившую на сухой цемент, плотным серым полотнищем застилавшим все вокруг.

В те времена жизнь в бригаде делилась на две половины – «война» и сплошная «расслабуха» после. А все, начиная от солдат и заканчивая комбригом, напоминали веселую вольницу анархистов, щеголявшую в трофейных американских или западногерманских куртках, китайских зеленых кепках с необъятными козырьками, в крепких с множеством карманов штанах, а нередко и джинсах. Поэтому поведение Стрекозова, напялившего на свой взвод хабэ, которое долго без дела прело на складе, было более чем смешным.

Лейтенанта откровенно считали ненормальным, законченным продуктом типичного армейско-училищного идиотизма с его непременно номерами военных билетов, выведенными хлоркой на внутренней стороне формы, яркими

бляхами и настолько начищенными яловыми сапогами, что с первого взгляда они кажутся хромовыми.

Взводные – лейтенанты, отдыхающие после четырехлетней училищной дуристики, открыто смеялись над Стрекозовым. Кто-то из них и дал ему нынешнюю кличку – Стрекозел.

Подчиненным Стрекозла было уже давно не до смеха, и они попытались устроить командиру «темную», накинув вечером в одной из палаток на голову одеяло.

Но не тут-то было. Моментально выяснилось, что отличная спортивная фигура Стрекозова не следствие упражнений с гантельками перед зеркалом, а результат многолетних занятий боксом. Взводный расшвырял «мстителей» в стороны, как щенят, и еще очень долго не выпускал их из палатки, смещая челюсти и проверяя на прочность ребра и грудные клетки.

Против первобытной физической силы особенно не попрешь, и солдаты забились в норы – зализывать раны и решать, что все-таки делать с чрезвычайно ретивым на службе и очень агрессивным в быту лейтенантом. Вывод был прост, а по тем временам и нравам, какие царили в бригаде, очень даже приемлемым.

В один из вечеров, когда толпа, как обычно, собралась за палатками – покурить «дури», потащиться и поболтать о своих насущных солдатских делах, – было подробно оговорено, как лучше на ближайших боевых лейтеху «замочить», а вы-

ражаясь человеческим, нормальным языком, застрелить.

Но боевые, которые были для Стрекозова первыми, а по тайному согласию и желанию всего взвода должны были оказаться и последними, внесли серьезные изменения в такой незамысловатый план мести.

Тогда не только взводу, но и всей роте пришлось крайне горько. Полдня провалялась она под палящим солнцем на земле, похожей на панцирь старой черепахи, среди валунов, стараясь хоть как-то спрятаться за ними от прицельного огня духов, затащивших подразделение в хитроумную ловушку. И даже у самых-самых, кто давно точил зуб на лейтенанта, было только одно желание – как можно глубже вдавиться в сухую, раскаленную землю, спрятаться, утопить себя в ней, лишь бы остаться в живых.

Ротный, потерявший всякое управление и власть над людьми, лишь матерился и сорвал голос, вызывая по радиостанции помощь. Но духи отсекли батальон, и перекрестный огонь ДШК вколотил его в землю где-то у входа в ущелье.

А рота, разрезанная, разбитая на части свинцовыми очередями, медленно сходила с ума: громко стонали раненые; живые старались забиться хоть под малейший камешек, палили из автоматов, куда ни попадя, и молили Господа, черта, сатану, Аллаха и кто знает кого еще только об одном: если и придет смерть, то пусть она будет моментальной, быстрой, безболезненной. Чтобы сразу отдать концы, свернуть ласты, сыграть в ящик, загнуться, а не мучиться с пуль в хребте,

извиваясь, как ящерица, потерявшая хвост, от боли, истекая кровью и царапая ногтями гранитную землю.

И кто ведает, чем могло закончиться это избиение, если бы не Стрекозов. Он собрал гранаты у очумевших солдат, которые открытыми ртами жадно хватали воздух, и пот грязными ручьями лил по щекам, метнулся в сторону рыжих скал, бесстрастных свидетелей и прямых виновников медленной гибели роты.

Через некоторое время наверху, в гранитных изломах, ухнули разрывы гранат, затем навалилась тишина, которая тут же разлетелась на тысячи осколков от злых, бесконечно долгих очередей автомата Стрекозова.

Эта атака подхлестнула оставшихся в живых, и те ринулись вперед, карабкаясь наверх, стараясь побыстрее выскокить из смертоносной зоны огня и дотянуться до духовских огневых точек. Только в этом было спасение роты. И самый последний трус понимал: единственный шанс выжить – это пойти в атаку.

Через несколько дней, когда рота начала постепенно приходить в себя от долгих кошмарных минут, нанизанных на грохот автоматных очередей и смерть товарищей, а вертушки с цинковыми гробами и сопровождающими их до военкоматов офицерами и прапорщиками начали взмывать вверх и уходить на Кабул, Стрекозов выстроил взвод на линейке перед выбеленными солнцем палатками.

К этому моменту у солдат произошла некая переоценка

личных качеств командира, и поэтому смотрели они на него без прежней злобы.

Смелость везде в цене. В Афгане – тем более. Особенно когда ты в результате чьей-то храбрости не лежишь горизонтально в вертолете с биркой на ноге, а твердо стоишь пусть на чужой, но все-таки земле.

Стрекозов долго молчал, смотрел на молодые, почти детские, безусые лица, а затем сказал, как отрезал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.